

тивности сохранения конфигураций их взаимодействия. В чем-то это все то же чувство соразмерности и объемов. Оно может иметь зрительные и звуковые аналоги, либо зрительные и звуковые «катализаторы» реализации. Скажем, это музыкальные ритмы в сложных спиралевидных движениях толпы на публичных площадях поселений бамбара в ходе празднеств, сценарных, ритуальных действий типа «Котеба». Зримый аналог здесь — раковина улитки. Но самоорганизация толпы, как и самоорганизация пчелиного роя, муравейника, обладает завораживающим эффектом, воздействует на сознание и подсознание, программирует его и одновременно вызывает сильные эмоции. Одним из аспектов этих эмоций и выступает то, что мы связываем с «эстетизированным», в частности с «эстетизированными формами поведения», где «красота» проявляется, выступает в скрытой организации и самоорганизации массы, гармонии.

Конечно, образные ряды и символы культуры бамбара не сводимы только к перечисленным формам, но для задач этого раздела исследования, пытающегося в предметном мире, в совокупности инвентаря увидеть отраженную картину мира, этим можно ограничиться.

Дизайн — императив жизни овеществленной культуры

Проблема «дизайна» как пластического, зримого воплощения предмета культуры, артефакта уже упоминалась. Можно оговориться, что слово «дизайн» в данном случае имеет расширительное употребление, поскольку в нашей системе культуры оно в наибольшей степени сопряжено с формированием пластического образа продукта индустриального производства. Это некоторая экстраполяция в Архаику. Но она вполне уместна и допустима, поскольку любой артефакт имеет пластическую выраженность и к тому же выступает продуктом «замысла» — образа предшествования. А это как раз и сближает с современным дизайном через явление «проективности мышления».

В начале XX в. В. Марков попытался ввести в оборот понятие «пластический символ» [Марков (Матвей) 1919: 36–38]. Оно во многом созвучно понятиям «дизайн» и «пластический образ» [Арсеньев 1997: 16–19], но самим присутствием слова «символ» в этом сочетании подталкивает к выводу (или к ожиданию утверждения), что автор исходит из представления о первичности трансцендентного мира. А дискутировать по такому поводу для избранного аспекта исследования нецелесообразно. В конце концов «дизайн» или «пластический образ»

практически более удобны и нейтральны в описании образной реальности бамбара.

Важно то, что речь идет о потоках и рядах образов. И это способ видения и осмысления для самих бамбара. Важно и то, что люди вольно или невольно перекодируют систему природы в пространстве своего обитания, оборудуя, аккомодируя это пространство и его предметное наполнение, создавая «среду в среде» — «среду человеческого» в «среде природной», и при этом сохраняя «природную очеловеченность» и «очеловеченную природность». То есть на характерном для бамбара уровне дизайнерское, аккомодирующее вторжение в природу ведется минимальными и к тому же преимущественно собственно природными средствами. Сами же люди убеждены, что они часть природы, и ничего не делают против природы. Любое же действие по изменению естественно-природного феномена для его включения в необходимый круг предметов жизни, т.е. вольное или невольное проявление, условно говоря, «инженерии» и, соответственно, «дизайна» — все это обставляется уравнивающими, компенсирующими природные перемены действиями, требующими и интеллектуальных, и эмоциональных, и трудовых затрат со стороны самих людей. Вне этих форм жизни нет. И это не столько эмпирическая констатация или продукт умопостроений, логических процедур, сколько результат воспроизведения той же модели образного, аналогового охвата всей совокупности известных фактов с выведением общего, наименее противоречивого образа — аналогии проявлениям объекта.

Все, чем пользуются бамбара, имеет форму. Везде и во всем, что включено в систему жизни, есть их «метка»: это и тропа в саванне, пирамидка камней для членения пространства угодий, ствол дерева, приставленный к пещере, пень, ленточка на дереве, колодец, следы приношений на термитнике и многое другое — знаки этой включенности в мир существования. Эта «метка» и есть «приданная форма», достаточная при любой мере затрат труда для того, чтобы состояться в жизни общества, даже если это было разовое действие. Ведь и в нашей системе культуры сколь угодно много инженерных и дизайнерских решений «разового назначения»: например, строительные леса, карьеры, шахты, временные плотины и т.п. А уж тем более обстоятельно продумывается дизайн вещей долгосрочных. Причем для бамбара, для их этапа и стереотипов культуры правильнее говорить, пожалуй, не «продумывается», а «сопереживается», «прочувствуется». Это тот случай, когда люди, воплощая образ, сживаются с ним, ощущают его в процессе рождения. Тот же кузнец кует какой-то предмет,

внутренне соединяясь с ним, до тех пор пока не почувствует, что он, этот предмет, готов, что он обрел наконец ту форму, в которой сможет «жить» в соответствии со своим предназначением. Так образ осязаемый взаимодействует со своим воплощением в процессе «рождения» предмета, пока они также осязаемо, зримо, осязаемо не совпадут. Предмет вошел в оборот общества. Образ воплотился.

«Орнаменты»: психология восприятия и стратегия информационного взаимодействия. Образная проективность культуры

Звеном связи между предшествовавшим и этим разделами закономерно выступает утверждение о рождении, а соответственно, и жизни предмета. Этот предмет приобретает форму «жизни» в процессе своего производства, реализации «проективности» в конкретном, утвердившемся в обществе дизайнерском решении.

Когда подолгу наблюдаешь трудовые процессы в различных сферах деятельности, видишь, как кузнец «примеряется» к изделию в процессе работы над ним, как горшечница оглаживает глину будущего сосуда, как земледelec, сочетая крупные и мелкие движения, «охлаживает» взрыхленный гумус, не можешь не отметить семантику прокреации, ассоциируемую в соответствии со стереотипами образного мышления в сознании бамбара [Арсеньев 1998в]. Многие знаки, многие символы, обрядовые действия, сопряженные с трудовыми процессами, говорят о том же: сначала люди дают жизнь предмету, а потом он, этот предмет, обеспечит жизнь людям. Однако в рамках той же логики ассоциативного мышления, оперирования образами жизнь могут дать только «живые».

Для себя самих в процессе производства бамбара как-то «решают» вопрос о собственной определенности в связи с состоянием «живых», например соответствующими «производственными» обрядами «очищения». В то же время с вещами вопрос этот не снимается одним фактом «рождения» вещи, как, впрочем, и для людей рождением человека. Есть практика закрепления «жизни», обозначения этого статуса путем соответствующей маркировки.

Пластически сформированный предмет еще не «завершен», не получил статус «жизни», если он не украшен, если на него не нанесен хоть какой-то орнамент, делающий его по сути «особью», частью целого. Именно таким образом этот предмет становится представителем целого класса таких вещей, но обладающим своими неповторимыми